

Антиискусство Сальвадора Дали (неакадемические заметки)

Всю свою жизнь я занимаюсь искусством, и говорить буду в основном об этом, но параллели с обычной человеческой жизнью вполне допустимы.

Во все времена и у всех народов были, есть и будут свои герои. Их довольно просто определить: это – личности, которые берут на себя смелость и ответственность открывать законы, творить красоту, защищать, просвещать и вести за собой. Герой всегда индивидуален, всегда отличается от других, не смешивается и не скрещивается с толпой. Героя всегда *отличает добродетель*. Без всякой личной выгоды его деятельность в конечном итоге направлена на выживание и *продление человеческого рода*. Это созидатели.

Помимо героев в любом обществе существуют и антигерои, которых называют по-разному. В конечном счете они творцы смерти, антагонисты жизни. Они живут только своими собственными интересами, которые у них ограничиваются как правило тремя "китами": деньгами, сексом, зрелищем. Формально этим отличается и жизнь простого обывателя, обычного гражданина. Но жизнь антигероев всегда корыстна и разрушительна по человеческой сути и нравственности. Их массовость создает свою субкультуру, они кучкуются, могут быть "элитными", не признают общепринятой морали.

Путем манипуляции сознанием современные общества сумели сделать так, что основные виды жизненных устоев и принципов антигероев ранжируются как движение вперед, к прогрессу, к другой свободе и некой новизне. На этой почве сформировалась своего рода особая субкультура, так сказать, духовная пища довольно обширного слоя общества. Она с особой очевидностью стала проявляться в искусстве, которое в силу разных причин превратилось в современном мире в бизнес. "Селебрити", их интерпретаторы и гламурные журналы, – эта триада оказалась смертельной опухолью, разрушающей своего когда-то могущественного прародителя – капитализм с его позитивными качествами предпринимательства, свободой выбора, индивидуальностью. Это по сути. А на поверхности "триада", обслуживая искусство,

фактически превращает его в пародию. Пародия же не просто вторична или третична относительно оригинала, она есть искажение сути оригинала, а нередко и его уничтожение. Нравственный и интеллектуальный шабаш "троицы" превратился в норму. И это помешательство, став новой моралью разрушителей, отражается в искусстве с угрожающей силой и последствиями. А теперь переходим к фактам.

Цель и предназначение искусства

В 2010 году, проходя по одной из Нью-Йоркских улиц, сплошь состоящей из художественных галерей, я зашла на очередную выставку. На этом так называемом "показе" (show) я получила удар мало с чем сравнимый. Вся галерея была увешана гениталиями стариков обоих полов в мельчайших подробностях на огромных фотографиях высокого разрешения. Техническое мастерство! Свобода! Но каким же сознанием надо обладать и какой же падалью нужно быть по обе стороны фотографического процесса, а также галерейного дела, чтобы предлагать посетителям ужасающую "художественную" выставку. А это путь, проложенный гениями "сюра" с их психопатией, цинизмом и мистицизмом, о чем пойдет речь ниже.

Я не хочу быть убитой этой антикультурой, не хочу такого "эстетического чувства" от бреда психически больных людей. И если я соглашаюсь с промыванием мозгов в очень даже академических учебниках и теориях искусства на тему "концепций" и вообще в книгах по искусству подобной тематики (я не собираюсь козырять именами и названиями – их тысячи), а также с манипуляторами галерейного ремесла, – значит я сама участвую в своем убиении. Но мое сознание говорит мне: **СТОП!**

Случайно или нет, но на моем столе одновременно оказались несколько книг и статей, которые важным для меня образом переплелись в единое целое в рассуждении на очень значительную тему – смысла в искусстве. Это "Эстетика" Гегеля, дневники Дали – "Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим",

его же "Дневник одного гения", "Манифест сюрреализма" Андре Бретона и "Вырождение" врача-психиатра Макса Нордау (1849–1923). Читать одновременно эти книги и статьи оказалось очень полезным делом с точки зрения оценки искусства и людей в искусстве вообще и в живописи в частности. Кто-то скажет, почему эти книги? Кто такой этот Нордау? Почему Гегель, а не... Причем тут Бретон? Почему Сальвадор Дали?

Потому!

Кто не согласен – пожалуйста, пройдите в мир академических исследований, этих отполированных бриллиантов словесной эстетики, туда, где живое стало схемой, матрицей, да заодно зайдите в галерею "современно-современного" искусства для очищения и благословения, так сказать.

Итак: высокая философия, выраженная в своей истине и понятиях у Гегеля, анализ творчества известных (в свое время) людей от искусства и литературы с точки зрения врача-психиатра у Нордау, мозговые брызги в "Манифесте сюрреализма" Бретона и "труды" известного идола-творца, претендующего на свою собственную "далинийскую философию" жизни и живописи, как ни странно, контрастно обнажили современное, сегодняшнее состояние искусства и его интерпретаций.

Творчество – область настолько сложная, что без хотя бы базового понимания и оценки явлений в искусстве просто невозможно ориентироваться в ее героях и антигероях. Я неоднократно слышала: зачем копаться (это как бы не этично, лучше скользнуть и не заметить их), пусть себе творят: рисуют, пишут, поют, моделируют, ваяют, сочиняют. Не важно – ЧТО, главное – ТВОРЯТ. Как-то, мол, не "политкорректно", грубовато, да и "мелко" копаться в авгиевых конюшнях морали, нравственности хоть в искусстве, хоть в жизни вообще. Все индивидуальны и они, эти "неправильные люди", сами вымрут, если не востребованы.

Не вымрут! Их тьмы и тьмы!

И клонируются они, особенно в современных обществах, с угрожающей силой, чтобы удержаться и задавить массой. Это закономерно – в массе легче выжить. Как в стае. Но в массе всегда находится вожак и толпа идет за ним даже в бездну. В

искусстве это видно трагически близко: бессмыслица – как знамя, за которым идут ее ваятели, газетные и журнальные тяжеловесы, коллекционеры, современные музейщики-галерейщики и... толпа, всегда подьедающая остатки на этом пиру моды от современного искусства.

Что, неужели все так закономерно и скользнет в пропасть?

Не должно!

Где же смысл и истинное начало в искусстве? Ведь искусство можно определить как "волшебную сказку, которая никогда не кончается" или как некий "волшебный обман", в котором не может быть никаких *всеобщих* законов красоты, а есть только творческая свобода индивида.

Система знаков в языке (как и в любой профессии) существует, чтобы понимать друг друга. Нераспознанный язык служит только единичным, чужеродным *всеобщему* целям конкретного индивида или творца. Невнятный творческий язык одного, иногда глубоко больного, человека без семиотического фундамента не может быть узнан и осознан. И наоборот, без культуры мысли не может быть и профессиональных навыков. Никакой особый характер или некая особая эфемерность неразборчивого художественного языка, никакое "элитное действие" в искусстве не способны быть его целью. Цель и идеал в искусстве лежат в глубине человеческого духа, и потребность разумного человека в искусстве заключается в *осознании* духовности как своей, так и окружающего мира.

Культура – это коллективная память, всеобщая ценность. Как воздух. В искусстве, в художественном творчестве она проявляется через художественный образ. Конечно, каждая эпоха в искусстве "говорит" своим языком, своими средствами. Но суть искусства во все времена остается одной и той же: показать глубину человеческого духа. Для чего?

Чтобы выжить!

Сущностью, отличием человека от всего биомира является мышление и мышление целенаправленное – *выжить и осознанно продлиться!* В выживании не может быть ложной истины. На основе обмана нельзя построить или

сконструировать самолет, кинокамеру, поезд, машину.... Иначе не смогли бы мы летать, фотографировать, ездить... Обман и в искусстве не может быть средством достижения человеческой цели. Любой вымысел связан с человеческим духом, оплодотворен разумом. Ложь не может быть людской целью, она не значима (Гёте) для выживания.

Суть в искусстве – выявляться художественным содержанием обращенным к человеку как мыслящему и чувствующему существу. И понимаем мы любое творение только мышлением, не так ли? И эстетическое чувство понимания художественного произведения рождается только от распознанного духовного содержания, заложенного в нем. При любых формах и многообразии творений основные константы сути и смысла искусства остаются опорными. Об этом можно прочесть в фундаментальных исследованиях по искусству. На понятийном уровне, на уровне глубинной философии искусства это тщательно расписано у классиков философии – Гегеля и Канта.

Теория антиискусства

Создавать (или осовременивать) философию искусства пытались и осуществляли многие, в том числе и теоретики бессмысленности в искусстве. Андре Бретон, идеолог сюрреализма, вместе с союзниками по этой философии, включая Дали, утверждал, что сознание – огромный вред для искусства. По его теории творец-то уж точно должен быть безумным психопатом, но такой же должна быть и публика, чтобы оценить некий верховный полет мистификаторов. Сознание – вот дьявольщина!

Но как же я могу оценить вас, господи академики, если не нужно ничего соображать? В трансе?

"Вперед" к неосознанности на уровень животных – вот главная идея "сюра". Вот и собака уже в наше время продолжила этот путь и подала пример. Творит же сейчас ее собачий гений (!), хочет как-то свой дух передать. И преуспела: ее "творчество"

пользуется успехом. Продается это добро!

С уверенностью скажу: это всё – "из книги смерти" искусства.

Произошел дикий разворот, глупость победила. Высокое Искусство скукожилось от своей деликатности и проиграло толпе, уступив свой язык щебетне.

Вот дистанция от великого до похабного.

(см. изображения под статьей)

И не важно, суть это или гротеск (я имею в виду всех последующих "мадон"), пропущены или утрированы звенья этой цепи, есть или нет в этих чудовищах своя локальная правда. Последний шедевр – это глубина падения так называемой концепции. Это смерть в искусстве. И не только "мысли создателя", но и зрителя/коллекционера. И ТАКОЕ имеет спрос и пропагандируется.

Можно, конечно, а сейчас это происходит в основном, использовать бессмысленность в искусстве в развлекательных целях, сменить эстетическую эмоцию на чувственную рефлексию, можно перемешать высокую духовность с дизайном или плакатом, обосновать это современностью, модой, объявить эту смесь "новым видением" или "концептуальным искусством", найти пару красивеньких цитат и подтверждение якобы подобных концепций у Великих, но...

Играть на этом и утверждать смысл искусства так – НЕЛЬЗЯ!

Этот новомодный кастрированный салат должен быть истинно оценен и поставлен на свое место в гастрономической лавке. Потуги ранжировать вульгарность и пошлость по "шкале ценностей" – значит, убивать человеческую мысль, выведшую нас из звериного состояния. Всё должно иметь свое место и цену, названную и осознанную. И хотя денежный эквивалент мракобесия ничтожен по сравнению с истинной духовной ценностью, всё же постоянная подмена основных ценностей искусства на фальшивку, или симулякр (Жан Бодрийяр) неизбежно ведет к уничтожению искусства. И эти симулякры торчат отовсюду: из галерей, из клубов, даже из крупных музеев в том числе, из радио, ТВ, ... отовсюду, где эта «попса»

находит свой приют.

Принципы и критерии искусства

Без определения принципов и критериев искусства, его смысла, а руководствуясь исключительно вердиктом "тяжеловесов от моды" и их реакцией в "тяжелых" публичных изданиях, его оценка скатывается к обывательскому "нравится - не нравится", заменяет Прекрасное (в философском толковании) вкусом. Вкус – дело поверхностное и, как правило, имеет отношение только к форме. Так называемая "культура вкуса" страшится глубины анализа, основывается только на частных суждениях, имеет дело с обывательской потребностью. Вокруг вкуса и моды, как его главного плода, идет возня за лидерство: поярче-попетушистее, попошлее. Интерпретаторы и журналисты, "специалисты по объявлениям" бьются: допускать или не допускать к своей журналистской святости какого-либо творца – вот за что идет борьба в искусстве сейчас. Осветить или освятить?! Не за суть, а за мнение одного-двух... (тут обычно поднимают глаза к небу, почти как к богу) журналистов, которые могут в "селебрити" назначить или с грязью смешать, бьются галерейщики всех мастей. Не дай бог кто-то назовет чье-то творение "household art". Всё! Анафема! А уж если произведения оформлены в специально для этого существующие рамки, то тут уж вообще неприятие полное. Обструганное корыто для ритуальных услуг – вот нынешняя норма! И в это корыто упаковывается всё: от живописи до поделок. И творят не покладая рук авторы и галерейщики на потребу "придирчивому взгляду журналиста/интерпретатора". И кураторы выставок, чтобы понравиться своим новаторством, ведут тщательный отбор "концепций" под пульс новенького времени. Как правило, интерпретаторы и определяют как "необходимость" (а значит, истинность) того или иного творения, его "вес" (в виде цены). Но обращаю внимание, что всё это делают только люди со своим субъективным вкусом и положением в обществе, своим психическим здоровьем (что немаловажно), происхождением и

образованием, денежным вознаграждением за свой неподъемный труд и руководствуясь тысячами других факторов.

Но "сколько людей, столько и мнений".

Есть мнение, что талант и гений (кем себя называл Дали) – это озарение особого ума, для которого нет никаких ориентиров, для которого не существует общих "знаков" выражения, что его, гения, чисто субъективное и есть истина. И неважно чем вызвано его вдохновение: алкоголем, наркотиками, извращениями – лишь бы вдохновляло. Но мелочность содержания сводит творение на уровень личного, частного. Когда отсутствует критерий *всеобщности* в "прекрасном/безобразном", то частный гений полностью зависит лишь от своего вкуса. Обманчивое сходство с великим представляет нам, зрителям, только форму, вкус такого исполнителя. А частный гений это – "домашний гений".

Чем значительнее художник, тем более глубокие вопросы человеческого духа его волнуют и побуждают к творчеству. И чем больше талант, тем более выпукло звучат его произведения и устойчиво сохраняются людьми во все времена. Образцов не так уж и много. Во всех видах творчества. Композиторов – тысячи, а слушать некого, кроме тех, кто записан в "книгу жизни", художников – почти каждый, а смотреть не на кого, кроме тех, кто записан в "книгу жизни", скульпторов... кроме тех, кто записан в "книгу жизни", а певцов ... разброс от великой Марии Калласс из "книги жизни" до подхриповатой исполнительницы по кличке Леди Гага "из книги смерти искусства" и т.п.

Но не выпачкать мракобесам и бизнесменам от мракобесия имена великих и через столетия, о чем я с удовольствием прочла у Anthony Tommasini – критика из NY Times, выросшего из музыки по своему базовому образованию и понимающему музыку изнутри.

Есть и другие критики, особенно из области живописи, которые умеют "протрубить, а там хоть не рассветай!" Истинная цена таким публикациям – пятак. Практически выявить суть художественного произведения почти не по силам вымельчавшей журналистской армии. Простое описание, рассказанное зрячего

слепому: ... мы видим кружочки, точки, полоски. Они цветные и очень современные. Похожие на домики или горки... Или в другой "критической" статье не понравился журналистке цвет стенки в галерее. Ну, ненавидит она белый цвет, и всё тут! Туповат он, по ее словам. А то, что на эту стенку подвесили на огромный гвоздь пиджак с разноцветными многочисленными бантиками, привязанными и приколотыми к нему скрепками под видом искусства, критикессу не заинтересовало. Вот такие статейки "авторитетных" критиков стали нормой.

Или иные: Он (!) ВПЕРВЫЕ сделал это! Сенсация! Новаторство! Он еще прибил галошу молотком прямо в сердце галоши. Смысл потрясающий. Концепция свежайшая! – вот очень частый мотив комментаторов, даже образованных и именитых. Ну, с художниками понятно, но это пропагандируют опытные журналисты! А в таких авторитетных изданиях, как NY Times, – это как "Аллилуйя!" Уверена, они понимают, что работают на толпу, однако... работают. И ежедневно медленно, красивым слогом полируют мой мозг бессмысленностью.

Жаль только, что денег и энергии на это вбухивается немерено. На пустоту! Конечно сильны авторы таких комментариев только до окончания их работы в издательствах. Скорей бы уж на пенсию вышли. А впрочем, придут аналогичные.

Но, напомню, Леонардо не был первым, кто нарисовал женщину, но остался Первым.

Вооруженные эквилибристикой слов бойцы пера убедительны только до "следующего поворота". Всё значительное требует другого анализа и смелости, оно не укладывается в парадигму набивших оскомину стандартов. Оно индивидуально. Всё существенное требует ТРУДА и знания предмета изнутри. Это хлопотно, отнимает много времени, требует мыслительного процесса. А зачем?

Чтобы выжить!

Через века остается в истории искусства то, что представляет художественную ценность. Слава богу, что в настоящее время как кара для "обойщиков", строителей из кубиков, горе-дизайнеров, плакатистов-пародистов и их воспевал существует неподвластное им средство времени: современное "колесо" – Web, где можно найти и

посмотреть то, что имеет человеческий смысл в искусстве, профессиональную и художественную силу. Меня даже убеждали: а ты не смотри, иди в хорошие музеи, их хоть и немного, но там всё в порядке. Да, это так, но только плохое распространяется как саранча и грозит поглотить это хорошее. Количество переходит в качество – закон, работающий универсально.

Все живое и выжившее рождено человеческим духом и смыслом. Это принадлежит всем и является всеобщим.

Чтобы выжить!

Сюрреалистический бред Бретона

Дуче сюрреализма – Андре Бретон (Breton, André) (1896–1966), умудрившийся отражение человеческого духа в искусстве превратить в бессмыслицу. По происхождению Бретон – сын конторщика. Образование – церковная школа, затем курс медицины и психиатрии в Сорбоне. Квалифицирован не был, не получил диплома, затем увлекся литературой. Изобрел так называемое автоматическое письмо – *безличное творчество*. Механистическая виртуозность декларировалась им как смысл искусства не только в литературе, но и в живописи.

Мистифицированный "сюр" состоял в том, чтобы освободиться от контроля разума, эстетического вкуса и любого переживания во время творчества. Безучастность и отвлеченность стала новой эстетикой.

Появилась и теоретическая база: психоанализ от Фрейда, («теория» психологической универсальности в сексуальности людей, выведенная из "опыта лечения семи больных"). Совесть, мораль ассоциировались у новых мыслителей со старьём, враждебным новизне времени. Аналитическая психология Юнга в расчет не принималась, она требовала обобщения, мышления, а психоанализ Фрейда лёг на базу аморальности бессмысленников стопроцентно – мозг представляет собой приложение к половым органам. Нравственность, вина и стыд (то, что отличает людей

от зверей) были отброшены теоретиками сюрреализма как обуза. Звериный инстинкт – вот из чего должен состоять человек! Обезумевший разум попал на обезумевшую историческую почву, в обезумевшую реальность. Вскипело! Результат – тотальный бред вдохновителей и последователей!

Тут же художники потянулись за этой новизной. Ничто не должно быть озарено ни чувством, ни мыслью. Думать не надо, рисуй себе в бреде, твори и утверждайся в гипнотическом сне, с закрытыми глазами в состоянии транса. Води кистью или карандашом по поверхности – показывай свой незамутненный гений. И водили и показывали и до сих пор показывают.

Нордау так объясняет подобные отклонения человеческой психики:

...Между тем известно, что некоторые нервные центры, особенно же те, которые имеют отношение к половой жизни, у психопатов обыкновенно расстроены. Исходящие от них раздражения вызывают в мозгу представления эротического свойства, и притом постоянно, потому что и само расстройство продолжительно. Вследствие этого *ко всем представлениям* (курсив мой. – В.Б.) психопата примешивается часто эротический элемент.

Мозг же выродившегося или истощенного субъекта вырабатывает туманные представления, потому что он вообще неспособен отвечать на раздражение энергетической деятельностью. Таким образом, невежество представляет собою искусственную умственную слабость, и, наоборот, умственная слабость составляет прирожденную органическую неспособность к знанию.

То есть "сюр" теоретика – типичная болезнь мозга, которую надо лечить, а не пестовать. И тем не менее Бретон был авторитетным и авторитарным лидером, даже тираном. Идеал – Гитлер (как и у Дали). А вот пример психопатии Бретона, схожей с гитлеровской: "Брось все. Покинь Дада. Оставь жену. Оставь свою любовницу. Оставь свои надежды и страхи. Оставь своих детей в лесу. Оставь все сущее во мраке. Оставь свою спокойную жизнь, забудь все для лучшего будущего. Отправляйся в путь". Так и слышу визг и вижу поднятую руку "Хайль я сам"!

"Протестная каша" исторического времени начала раскачивать маятник толпы,

стала активной силой, смешавшей всё в одну кучу: мистику, психоанализ, революционность, бунтарство, уличную мораль и пр; идейные вдохновители бездумья заняли лидирующее положение и повели свою "паству" к интеллектуальному вырождению, а в искусстве – к пропасти.

Бретон пытался реализовать себя также в политике и даже умудрился вступить в коммунистическую партию (правда, краткосрочно. Надоело, наверное,) и на какое-то время стал "марксистом". (Правда, Маркс в таких случаях говорил: если они марксисты, тогда я не марксист.)

Его "Манифест", так сказать, "оформился" к 1924 г. На этом параде бессмыслицы из нагромождения цитат, разных бессистемных упоминаний фамилий, бульварщины, мистики, спиритизма, упоминания психоанализа и пр. этот неменяемый француз стал вождем сюрреализма, который "теоретически" оплодотворил и мазохистское "гениальное мышление" Дали, выраженное в "философии" далинийства.

Далинийство: от теории маразма к практике

В беседе с корреспондентом одной из газет друг Дали, французский академик и писатель Мишель Деон говорит о художнике как об образованном актере, сыгравшем в жизни много ролей, в том числе провокатора, мистификатора, шута. В аннотации к интервью есть небольшая ремарка, что именно Деон редактировал, а порой и переписывал многие книги и статьи Дали. Что было вымарано, а что подкрашено, неизвестно, но живопись Дали – лучшее подтверждение адекватности редакции. Для меня очень сомнительно прозвучала реплика Деона об образованности Дали. Дневники, а это отчасти лицо человека и самый искренний рассказ о себе, говорят о его образованности очень красноречиво. Круг тем и проблем, бороздивших его особо образованный мозг, выразился в его "далинийской философии". Ее "несущие конструкции" примитивны как у аборигена, – эгоцентричный эпатаж (=цветное перо),

развратный секс (=секс), изощренно-извращенное гурманство (=банан). Гулящую жену (по словам М. Деона, ее отличала исключительная сексуальная раскованность) он называл Девой Марией, себя – Спасителем, а свой развратный союз с этой "девой" (и не только) – Святым семейством.

Я хоть человек совсем не религиозный, но не могу не сказать: да как смеешь ты!

Назначить себя гением Дали (1904–1989), думаю, поспешил. Видимо, от "чрезмерной образованности" или из-за бреда в воспаленном от жизни мозгу он оперирует словами, не понимая их понятийного значения.

Ценности, которыми упивался Дали, ничем не отличаются от обычных обывательских усад – хлеб, зрелища и секс. Тут нет ничего нового. Но у патологического развратника Дали это выражено особенно пакостно. И никакое профессиональное ремесло, даже самого высокого образца, не может заслонить ту мерзость, которая сквозит сквозь всю его жизнь и творчество и которым поклоняются его последователи.

Мания величия, гипертрофированное чувство превосходства это – клиника. Букварь психиатрии, так сказать. Внутренняя скрытая неполноценность таких людей заставляет их быть тиранами и третировать всех, кто попадает в их поле или оказывает им сопротивление.

"Великий мистификатор" – термин, приклеившийся к Дали. И не даром. Посмотрим, что про мистификацию и ее проявление говорит уже цитировавшийся выше врач-психиатр Нордау. Он пишет:

... тот, кто смотрит на мир глазами мистика, видит только волнующийся густой туман, в котором он может найти все, что угодно. Слабой голове все кажется вульгарным и пошлым, что ясно, определено и имеет только одно значение; *глубоким кажется все, что не имеет смысла* (курсив мой.– В.Б.) и поэтому может быть истолковано как угодно.

...Наследственная или благоприобретенная умственная слабость и невежество приводят к одному и тому же результату, к мистицизму.

... мистицизм по большей части имеет ясную эротическую окраску и что мистик, когда он разбирается в своих туманных представлениях, постоянно склонен придавать им эротическое содержание.

Этот диагноз полностью "покрывает" сущность Дали. Самое удивительное, этот диагноз подтверждает и сам Дали. Ниже я приведу цитаты (от первого лица) из дневников "Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим", и "Дневник одного гения". Поскольку эта заметка – не академическое исследование, то я не буду делать ссылок на страницы цитируемых опусов. Читатель сам сможет проникнуться этим в оригиналах, и более того, мне хотелось бы побудить его самому погрузиться в "глубину" "философии" этой падшей личности. Сразу же хочу извиниться за обильное цитирование, поскольку простому пересказу многие не могли бы поверить.

Дали – воплощение геноцида, или Гитлер в искусстве

Если Бретон теоретизировал, то Дали реализовывал весь бред сюрреализма на практике. При этом надо иметь в виду, что на такую реализацию не каждый способен, сколько бы марзаматических теорий он ни читал. Дело в том, что некоторые художники, последователи концептуализма или сюрреализма, будучи сами нормальными людьми, просто эксплуатируют безмозглость публики и рыночный спрос на идиотизм. Случай с Дали особый. Глядя на извращенческие картины Дали, мне всегда не давала покоя мысль: какое сознание или самосознание надо иметь, чтобы с наслаждением изображать омерзительное. Большая часть картин Дали в принципе подсказывала, что живописец явно психически больной. Больной-то больной, но было непонятно, почему этого никто не замечает. И вот, как я уже упомянула выше, в руки мне попались дневники этого "гения". Признаюсь: мои предчувствия полностью оправдались. Более того, откровения Дали превзошли все ожидания. Чтение этих опусов поставило все точки над "i". Стало понятно, что Дали – это действительно клинически больной, психопат с крайними мазохистскими

наклонностями, по мышлению похожий на Гитлера. То есть его с полным правом можно назвать Гитлером в искусстве, поскольку вреда в этой сфере он нанес не меньше, чем Гитлер в других. Я уверена, что таким сравнением навлеку на себя критику. "Он же прекрасный живописец! У него гениальная техника!" и т.д. Но ведь и Гитлер был прекрасным оратором и гениальным организатором. Попробуйте это сказать тем, кто пережил Холокост. Ущерб от этих двух антигероев сопоставим по результату: патологический геноцид в жизни, и в искусстве, как ее отражении.

Как и следовало ожидать, с раннего детства он возомнил себя гением и на всем протяжении своих мемуаров со вкусом расписывал, какие качества его мышления и характера формировали в нем это самоощущение. Вот одно из них, которое он описывает с явным наслаждением прямо в первых строках:

Я писался в постель чуть ли не до восьми лет – только ради своего удовольствия. В доме я царил и повелевал. Для меня не было ничего невозможного. Отец и мать разве что не молились на меня.

В нормальной семье такое поведение ребенка заставило бы родителей обратиться к врачу. Но, судя по всему, у них тоже мозги были не в порядке, поскольку их не озадачили и другие поступки отпрыска. Далее с упоением этот гений рассказывает, как в пятилетнем возрасте он столкнул мальчика на трехколесном велосипеде с моста в воду, а тот упал с четырехметровой высоты в воду и, естественно, разбился. И вот какие чувства испытывает этот маленький, но уже оформившийся мазохист:

Затем я бегу домой сообщать новость. И все часы пополудни полные крови тазы то и дело выносят из комнаты, где ребенку предстоит лежать в постели больше недели. ... Не припомню, чтобы в течение дня я испытывал хоть малейшее чувство вины. В тот же вечер, на обычной вечерней прогулке, я чистосердечно наслаждался красотой каждой былинки.

Эти наклонности у него укрепляются с каждым годом. Восторженно пишет:

Мне шесть лет. ...В коридоре мне попала на глаза моя трехлетняя сестренка, путешествующая на четвереньках. Я остановился, после секундного колебания изо всей силы ударил ее по голове ногой – и побежал дальше, весь в горячечной радости от своей дикой выходки.

"Дикие выходки" продолжались и далее и принимали формы издевательства абсолютно над всеми. А вот уже к семи годам этого отпрыска потянуло на эротику. Причем опять же в извращенном виде, поскольку подобные чувства у него вызывали не только женщины, но и различные виды пищи, типа крабов, омаров, раков. И не только. Смакует:

А какое наслаждение – с хрустом размалывать зубами головки мелких птиц? Да и возможно ли иным способом вкушать мозги?

Союзник по "сюру", теоретик экскрементов (я не шучу), некий Лапорт (Laporte D.) назвал Дали "неординарным мыслителем" и не ошибся. Поскольку действительно у этого гения особый инструмент мышления, который окопался не в мозгу, а... Читайте сами:

Челюсти – вот главный инструмент наших философских познаний. Что может быть более философским, чем высший миг, когда вы всасываете мозг из костей, хрустящих под вашими коренными зубами? Освобождая костный мозг от всех покровов, вы кажетесь себе равным богу. Это брызжет вкус самой истины, мягкой и нагой, извлекаемый из костной скважины, – ухватив ее зубами, вы становитесь обладателем истины в первой инстанции!

Читатель, предполагаю, уже сам догадался, откуда этот мыслитель черпал истины второй инстанции. Но об этом ниже. А пока, как ни странно, констатация объективной реальности себя самого. На этот раз уже без восторга пишет:

Я был не так смышлен и, видимо, взамен наделен способностью все отражать. Я стал в высшей степени отражателем из-за своей «искаженной полиморфности», а также феноменальной отсталости в развитии; запечатлев

в памяти смутные райские воспоминания грудного младенца – эротического происхождения, я цеплялся за удовольствия с безграничным упрямством эгоиста. И не встречая сопротивления, становился опасным.

Просто удивительно, что эту опасность никто в то время не разглядел, хотя он не скрывал своих "размышлений", находясь во "внутриутробном состоянии", где ему было хорошо "как в раю". Оказывается, именно "там" у него были всяческие видения, из которых "самым великолепным было видение глазуньи из двух яиц, висящей в пространстве". Эти "яйца" не просто запечатлелись в его сознании, но и определили его гениальность еще до рождения. Правда, в виде зачатков, которые расцвели пышным цветом по выходе из "внутриутробного состояния". Мир, естественно, только того и ждал. И чтобы мир не ошибся, кто явился, Дали подсказывает:

Звоните во все колокола! Пусть крестьянин, сгорбленный на своем поле, расправит спину, подобную стволу оливы, искривленной трамонтаной, подопрет щеку мозолистой рукой в благородном жесте мыслителя... Смотрите! Родился Сальвадор Дали. Стих ветер, и небо ясно. Средиземное море спокойно и на его гладкой поверхности радугой сверкают семь лучей солнца, как на рыбьей чешуе... Все они наперечет – и что с того? Сальвадору Дали больше и не нужно!

Понятно, что с особым смаком Дали описывает свой постпубертатный период жизни, в котором его прирожденный мазохизм переплетается с сексом. Вот впечатляющий кусок из воспоминаний:

Одна приятельница, которая всегда восхищается мной, уже не раз намекала на красоту моих ног... Она сидит на земле, ее голова слегка опирается на мое колено. Вдруг она кладет руку мне на ногу — я чувствую еле ощутимую ласку ее трепещущих пальцев. И тут же вскакиваю, охваченный чувством ревности к самому себе, как если бы внезапно сам стал Гала. Отталкиваю свою поклонницу, бросаю ее наземь и топчу ногами что есть силы. Меня с трудом отрывают от нее, окровавленной.

Уже тогда я любил ностальгически вспоминать действие, которого на самом

деле не было. Якобы я наблюдаю, как купают голенького младенца. Меня не интересует, мальчик это или девочка, я смотрю на ягодицу, где в дыре величиной с апельсин так и кишат муравьи. Малыша вертят из стороны в сторону, на миг укладывают на спину, и я думаю — муравьев вот-вот раздавят. Но ребенок вновь на ножках — и муравьев больше не видно. И дыра исчезла. Мне трудно определить дату появления этого ложного воспоминания, *но оно из самых ярких* (курсив мой. — В.Б.)

Рука не поднимается, чтобы не то что цитировать, а даже пересказывать его эротические развлечения, в том числе и со своей женой Галой, которые он сам описывает со слюною на губах. Впрочем, многие из них отражены в его картинах, на которые любят глазеть аналогичные мазохистко-эротические типы. Но и это не всё. Он с удовольствием описывает свою мерзостную сущность и с другой стороны: как он со своими приятелями занимали в долги "нужные суммы", невозврат которых не то что, как он сам пишет, не вызывала "угрызения совести", а наоборот, только восторг. То есть перед нами мразь по всем направлениям.

И в заключение, чтобы завершить совершенство этого образа французским "флёром", нужна пара капель духов. Он и тут себя не подвел. Изобрёл!

Я нашел духи! Я включил паяльник, которым пользовался для гравюр, и сварил в воде рыбий клей. Сбегал на зады дома, где, я знал, стоят мешки козлиного помета, аромат которого до сих пор нравился мне лишь наполовину, взял горсть помета и бросил в кипящую воду. Потом размешал пинцетом. Теперь сперва шибануло рыбой, затем козой. Но немного терпения — микстура достигнет совершенства, когда я добавлю несколько капель лавандового масла. О чудо! Вот это точь-в-точь запах козла. Охладив его, я получил массу, которой намазал тело. Теперь я готов.

Да, теперь он действительно готов.

* * *

И вновь и вновь возникает вопрос: как такой извращенец всерьез воспринимается окружающим миром, а некоторыми возводится чуть ли ни в ранг гениальной личности? Ответы, как ни странно, нетрудно найти.

Оглянитесь вокруг себя. Или почитайте статистические сборники психологов. Вокруг нас сотни тысяч психически нездоровых людей. Среди них тысячи извращенцев. Достаточно обратиться к криминальной статистике. Мир Дали для них родной мир. В его картинах они узнают собственные видения и ощущения. В этот мир входит и какое-то количество журналистов, ученых и прочих приверженцев Дали и ему подобных.

Но есть и просто мир обывателей, широчайший социальный слой, сознание которого легко поддается манипуляции. Это безмозглое стадо – основные потребители бессмысленности. Именно на них профессиональные дельцы от искусства и делают деньги.

Бретон, Дали, концептуализм, сюрреализм и аналогичные «измы» к искусству не имеют отношения, они имеют отношение к деньгам. Геноцид умственного кругозора, выраженный в гламуре, симулякр-авторитетных писаниях и «художественной» попсе привели к гибели империи под названием Высокое Искусство. Искусство по своей сути не имеет синдрома жертвы. Оно есть и будет всегда. Но оно обессилено поколением наркоманов и алкоголиков, развратников и циников, неразборчивостью горе-интерпретаторов и галерейщиков, торговыми домами, пропагандирующими с артистическим безразличием своих гениев в бреду.

Но я не хочу быть убитой этой отравой.

Валентина Бэттлер

06.02.2011